

В котором Праздник представлен иначе. Я понятия не имею, сколько у меня альтернативных представлений. Ни один из них не был так хорош, как то, что я в конечном итоге выбрал.

"Праздник?" Вопрос недоверчиво упал на пол, и Темный Лорд, окутанный, как всегда, мраком, усмехнулся. Но Феато был слишком удивлен и взволнован, чтобы обращать внимание на насмешливую нотку в голосе своего хозяина.

— Это я сказал.

Пир в Темной Башне были редким явлением, и Феато с трудом мог вспомнить многое из последнего, а то немногое, что он помнил, гасило его волнение. И с беспокойством и недовольством смотрел он теперь на полированный черный пол.

— Что мне нужно сделать, мой лорд?

В то время как наблюдение за пиром было знаком, его лорд был готов доверить ему более важные обязанности, он чувствовал себя не более чем прославленным распорядителем. Слишком твердо он все еще придерживался мнения, что его время лучше потратить на проникновение в их врагов и сея хаос изнутри.

«Это на вас. Настало время вам познакомиться со своими союзниками в вашей стране и за границей. Поговорите с эмиссарами, узнайте все, что сможете, о богатом наследии Дальнего Харада и используйте это как образец. Это для короля Низара. Я бы также рекомендовал искать распорядителей и получать от них советы, поскольку они видели на несколько пиров больше, чем вы. Но в конечном счете, когда, где и как вам придется принимать решения».

Феато нахмурился, поскольку вопрос за вопросом поднимался на передний план.

«Будет ли пир проходить в тронном зале или должен быть открыт большой зал? Это действительно может быть себе позволить? Разве скоро не прибудет импорт необработанной руды из Руна? Что насчет...?»

Темный Лорд поднял руку. «Я поручаю это задание тебе. Найди казначея и сделай сам вывод, сколько может позволить казна Мордора».

"Да господин." Феато взял себя в руки, прежде чем задать еще один вопрос. Тот самый, на который ему нужно было знать ответ. — Милорд, кто-нибудь умер?

Тяжелая тишина опустилась между ними, как железо. И казалось, владыка Мордора на мгновение опешил, но его отец быстро оправился. «Не все пиры устраиваются в честь умершего». В его голосе была странная грань, которую Феато не мог определить. Но он осторожно кивнул, не отрывая глаз от пола, чувствуя, как расслабляется. Без чувства вины он мог смотреть на этот пир с волнением и ожиданием. Эти чувства быстро вернулись,

пробудившись к жизни, и он заколебался.

— Вы будете присутствовать, лорд?

«Надеюсь, что да. Не хотелось бы думать, что меня не пригласят на пир в моем собственном зале». В его голосе был слабый намек на веселье.

«Все еще есть несколько вещей, которые нужно решить. В ближайшем будущем здесь будут высокопоставленные лица из Руна, и их нужно будет устроить. И мой посланник из Эребора вернется».

Сердце Феато затрепетало от волнения. Он тщательно скрывал свою улыбку, но она ярко блестела в его глазах. Фуинур должен был вернуться!

Лорд Фуинур был единственным из назгулов, кого Феато видел хоть сколько-нибудь часто, и ему было любопытно, какие истории призрак мог бы рассказать о гномах, которых он посетил.

— У тебя много дел, Маленький Волк.

"Конечно господин!" Он прикусил губу, проглотив пронзительный ритм безудержного возбуждения, и через мгновение сказал более спокойно. «Все должно быть замечено немедленно».

Он встал, поклонился и выбежал из тронного зала, слабый смех его лорда тянулся за ним.

Текстиль:

(Я тоже не знаю, о чем я думал.)

Мальчик сгорбился, спал за своим столом. Чернила, размазанные по странице широкой полосой черного дерева там, где его рука скользнула по ней. И Икшу помолчал, озабоченно хмурясь, проходя мимо человека, с которым разговаривал. Как только человек начал поворачивать голову, любопытствуя, на что смотрит Икшу, камергер спохватился и быстро возобновил разговор.

«Красный был бы традиционным, но мой хозяин не обычный мордоринский лорд. Его комнаты должны отражать это. Он выразил интерес к кремовым и золотым акцентам, но кажется, что основная тема находится в противоречии. Есть ли у вас какие-либо предложения?»

Взгляд торговца метнулся к нему, и, когда служанка прошла мимо, Икшу помахал ей рукой. — Оня, закрой дверь, чтобы наш гость не видел, что он спит, — прошептал он, чтобы не услышал купец. Безмолвным кивком девушка вернулась к своей первоначальной задаче.

— Ну, — сказал купец. «Большой выбор цветов дополняет золотой и кремовый. Вам будет трудно ошибиться. Если молодой лорд желает нарушить традиции, то у меня есть ряд зеленых и синих, у которых есть большой потенциал. не вызывает большого беспокойства, то я бы даже предложил фиолетовый цвет. Нет цвета более благородного и смелого».

Оня проскользнула мимо них в спальню, позволив двери закрыться настолько, что она и Феато были скрыты от глаз.

«Пурпурный действительно хорош, но я думаю, что он будет слишком темным для наших целей. В конце концов, мой лорд хочет осветлить пространство и нарушить строгость очень темных стен. Но я взгляну на ваши зеленые и блюз.»

Из сумки торговца вытащили лоскуты ткани. И он нахмурился, потянувшись за чашкой.
«Может быть, выпьешь еще кофе харадрим?»

Икшу кивнул. «Конечно. Оня, ты не могла бы об этом позаботиться».

— Сразу — сливки или сахар?

«О, да, пожалуйста». Торговец улыбнулся. Девушка кивнула и ушла.

Икшу просматривал различные образцы тканей, пока, наконец, не наткнулся на то, что, по его мнению, одобрил бы его хозяин.

Разговор был скуден, так как купец лениво пил кофе, испорченный нелепым утром.

«Он хочет, чтобы то, что по сути является занавесками, обрамляло различные произведения искусства».

— И искусство тоже будет нуждаться в соответствии с тканью? Не лучше ли выбрать что-нибудь попроще?..

«Искусство уже куплено. Милорд потратил мало времени на его покупку». — сказал Икшу, разглядывая, как ему показалось, приятный бледно-голубой и золотой узор. «Большинство из них — морские пейзажи и корабли, и это напоминает мне солнечный свет на воде. Я думаю, ему это понравится».

Торговец наклонил голову. — Я бы и не догадался, что его светлость интересуется такими вещами.

— У лорда Феато очень много интересов, — сказал Икшу. «И он происходит из дальних мореплавателей. Вполне естественно, что он обладает особой привязанностью к морю».

«Его мать была нуменоркой...»

— Действительно, — перебил его Икшу, но неустрашимый мужчина продолжил.

«Я почти забыл. Она так долго была заветной Темной Госпожой Мордора, что легко забыть, что она когда-либо была кем-то другим». Его голос стал тихим. «Жаль, что с ней случилось».

"-Что вы думаете?" Икшу поднял кусок ткани, чтобы отвлечь продавца.

Это фантастическое решение, — улыбнулся торговец. — Я сниму мерки как можно скорее и вернусь с образцами и официальной ценой». Стремясь начать, он поспешно схватил свои книги с образцами. «Завтра я пришлю сюда людей, чтобы они сняли мерки.

Бой между Феато и Икшу:

Эта сцена имеет множество версий. Это версия 1:

(Мой фаворит среди двух, которым я решил поделиться.)

Что его разбудило, Икшу так и не смог сказать. Было ли это интуицией или странным звуком, который заставил его соскользнуть с кровати и выползти, чтобы исследовать, он никогда не был уверен. Между спальней его господина и комнатой слуги стояла толстая дверь, но все же он встал, и его сердце тревожно затрепетало, когда он обнаружил, что кровать Феато пуста.

Он услышал звук крана в ванной, и это было не так уж странно, и он уже собирался вернуться в свою постель, когда ему показалось, что он услышал слабое шипение боли. Она была мягкой, вероятно, это была вода, которую он знал, но он стоял в нерешительности, ждал, прислушивался и дернулся, когда что-то разбилось.

За этим последовала серия безмолвных раздраженных проклятий.

"Мой господин?" Он был у двери, прежде чем осознал сознательное решение двигаться. И то, что казалось слишком долгим, не было ничего, кроме тишины и звука бегущей воды.

"Я в порядке." Феато звучал достаточно спокойно. — Я сам испугался, вот и все.

Прекрасные слова, но Икшу услышал затаившую дыхание виноватую мелодию, рассказавшую другую историю. Он практически мог видеть руку своего хозяина через дверь, неподвижную, как могло бы быть, когда он сказал еще одну ложь.

На одну ложь было слишком много, и без предупреждения он толкнул хрупкое деревянное

препятствие внутрь. Он видел, как мальчик подпрыгнул, когда она ударилась о стену и завибрировала на петлях.

Широкие серые глаза встретились с испуганным ониксом, когда Икшу увидел то, что его господин пытался скрыть. Ужасная, опустошающая тишина повисла между ними, и он перевел взгляд с прилавка на своего господина и обратно.

Повсюду была размазана кровь, как будто мальчик лихорадочно пытался отмыть ее до того, как вошел Икшу. Она была на прилавке, на краю раковины, красные капли размазались по серебряному металлу и серому мрамору.

Его господин был запачкан в нем, руки были прижаты ко рту. Его запястья. Она текла безмолвными ручейками по его рукам, капала с локтей на полированный мрамор у его ног, вся она лилась из раны возле рта, которую Икшу не мог видеть.

Но он видел. Лопнувшие капилляры в агонии вливались в травмированную багровую плоть его щеки: явные признаки того, что его ударило чем-то тяжелым.

"Что вы наделали?" Его голос звучал как хриплое шипение ужаса, когда он сделал угрожающий яростный шаг к своему господину, все еще стоя в немом и безмолвном состоянии, обгаренный кровью. — Что, черт возьми, ты сделал?

Мальчик пошевелил руками, а через секунду опустил их, открыв сложенный клочок ткани и разорванную плоть, которая так обильно кровоточила.

"Что я сделал?" Когда он говорил, его зубы были окрашены в красный цвет. И его глаза были сужены, когда он смотрел злобно, раздражительно, юношеским неповиновением. «Я не сделал ничего сверх того, что мне нужно».

"Это так? Ты отец санкционировал это?" В глазах Феато мелькнул ужас. И он наклонил голову, повернув ее в сторону. «Я знаю, это выглядит... плохо». Он вздрогнул, указывая на оскорбительную стойку. — Но это не так. Это не больно, и я...

— Ты прекрасно знаешь, что дело не в разбитой губе! Икшу топнул ногой, разъяренный и испуганный за своего господина. "Феато? Господи? Что с тобой случилось? Что ты сделал?"

Феато нахмурил брови и снова отвернулся, скрывая свое выражение за растрепанными расплавленными волосами.

"Мой господин-"

«Икшу, остановись...» Голос Феато состоял из ледяного отчаяния и горькой усталости. "Пожалуйста. Я не могу... я не могу сказать. Я могу только сказать вам, что я должен. Мне

нужно сделать это. Я должен. Это единственный способ..."

«Нет! Я уже достаточно долго терпел это! Но не больше! Посмотри на себя!» Икшу сделал наглый шаг вперед, потрясая сжатой в кулак рукой, и какая-то часть его так сильно хотела наброситься и вбить в мальчика разум. "Посмотри на себя!" Он зарычал. «Ты измучен до костей и выглядишь так, как будто кто-то ударил тебя тараном! Ты весь в крови. Ты улизнул! И ты солгал!»

По губам его господина сорвалось ужасающее, испуганное шипение, и Феато посмотрел на него с явным удивлением и страхом. И Икшу ненавидел это. Ненавидел, что его господин превратился в еще одного монстра, который бродит по коридорам, в еще одну змею, которая шипит и пропитывает всех своим ядом. Он ненавидел, что его лорд, казалось, больше беспокоился о том, чтобы его поймали, чем о последствиях его ошибочного поведения.

К его чести, Феато искал. Он смотрел на свои пальцы, липкие от липкого красного цвета, но его взгляд был далеко.

«Икшу, я сделал что-то ужасное».

Версия 2:

То, что следует дальше, оставалось в главе до той самой секунды, когда я решил ее опубликовать, поэтому прямо перед тем, как нажать кнопку «Отправить», я решил вырезать это.

— Мой господин, — Икшу закрыл тяжелую дверь, чтобы другие слуги не услышали. В своих руках он перебирал шелковую прохладную ткань и тихонько шлепал, чтобы встать на небольшом расстоянии от своего господина.

Мальчик полуповернулся в кресле, глядя на него, нахмурившись, и Икшу почувствовал, как в его груди заползла холодная полоска ужасного червя. Маленький и хрупкий, похожий на выбеленную кость, он сидел у темных стен, и глаза его выглядели странно тусклыми и измученными.

Должно быть, он снова улизнул. Гнев поднял свою тревожную голову, но Икшу подавил ее.

— Милорд, — снова сказал он, неуверенно разглаживая складку ткани между пальцами. «Одна из служанок принесла мне это».

Подняв ткань, он показал ее на простыне, простой грифельно-серой, если не считать темного ржавого пятна.

Феато равнодушно нахмурился, когда его серые глаза пробежались по ней. Руки мальчика,

затерявшиеся в его длинных волнистых рукавах, были скрыты от глаз, но Икшу не заметил движения. Пассивно ответил молодой лорд. «У меня ночью пошла кровь из носа».

Икшу нахмурил брови, в голове сразу пронеслось несколько мыслей.

У его хозяина не было носового кровотечения. Был ли его хозяин в порядке? Он был болен? Не поэтому ли он вел себя так странно в последнее время; потому что он заболел в первый раз в жизни? Мог ли он вообще заболеть? Какая болезнь вызвала кровотечение из носа в первую очередь? Неужели его господин снова солгал?

— Вы здоровы, мой лорд? — спросил камергер. "Это не было результатом очередной ночной авантюры, не так ли?"

— Я в порядке, — взгляд Феато прояснился, а голос стал ровным. Насытившись очередной ложью, глаза Икшу сузились, и он медленно опустил наволочку на бок. Обида жгла ярко-белую и горячую муку, смешиваясь с тревогой и страхом за безопасность ребенка.

"Вы, мой лорд? Вы действительно?" Наглый и дерзкий, он требовал ответов, которые ни один слуга не имел права спрашивать. «Последнее, что я знал, мой лорд не нуждался в нечестности, когда он чувствовал себя хорошо».

Феато стоял, глядя на него, стиснув зубы и бледно глядя. «Я ценю твою заботу, но твой взгляд несовершенен».

Икшу хотелось смеяться. Он хочет задушить мальчика. Он хотел умолять и молить об ответах, которые, как он знал, его господин не был склонен давать.

«Возможно, мой взгляд неисправен. Возможно, я никогда не знал своего лорда так хорошо, как думал... Я никогда не думал, что он может так бессердечно рвать отношения с самыми близкими ему людьми». Что-то во взгляде Феато изменилось. В его глазах мелькнула капелька вины, прежде чем исчезнуть. Икшу поднял наволочку. «Я позабочусь о том, чтобы это было очищено от недостатков».

Феато отвернулся, ковыряя пальцами края рукавов, когда Икшу заерзал, направляясь к двери.

Его рука была на ручке, когда он услышал позади себя голос своего хозяина.

«Икшу».

Это была отчаянная тихая мольба, и, изображая смутное любопытство и черствое равнодушие, истерлинг повернулся. Он подумывал попросить своего лорда подумать о его отставке, чтобы по-настоящему показать, насколько он расстроен, но воздержался, чувствуя, что в этом не было особой необходимости.

"Да мой Лорд?" — беспечно спросил Икшу и увидел, как его юный лорд вздрогнул, услышав его безразличный тон. Гораздо больший актер и лжец, чем его лорд, он казался безжалостно безразличным для собственных ушей, и вряд ли имело значение, поверил ли Феато в тот момент, что он довел своего камергера до такого бессердечия. Что действительно имело значение, так это то, что мальчик, наконец, захотел заговорить. Затруднительное положение, с которым столкнулся его хозяин, можно было бы предотвратить, если бы он только осветил его, и надежда зажглась в сердце человека, когда мальчик переминался с ноги на ногу.

Пальцы Феато хихикали, вертя и дергая его за рукава, и его взгляд был устремлен на стену рядом с ним. Он вздрогнул, вздрогнул, словно от холода, и открыл рот, издав лишь слабый щелчок сдавленного невнятного звука. Наконец его взгляд скользнул к Икшу, и мальчик замер, за исключением его трепещущих пальцев. На мгновение он остановился, как будто все еще неуверенный.

Потом отбросил сомнения. Его плечи поднялись в предвкушении речи, и рот открылся.

— Я... мне жаль. Феато переместился; Пренебрежительное чувство вины отразилось на его лице. "Мне жаль." Он провел рукой по волосам, и если его ногти остались темными и темными. Икшу нахмурился, недовольный увиденным, не двинулся вперед и ничего не сказал о своем наблюдении. Перед своим Феато ковырял пальцы, соскребая кровь из-под ногтей.

На мгновение Икшу стало противно, потому что он ожидал большего. После более чем недели этого «прости» — это все, что он получил? Он не хотел извинений своего лорда. Он хотел ответов.

"Мой господин."

Его лорд вздрогнул от его ледяного тона и снова отвернулся, чуть ли не корчась от волнения на месте. Этого было достаточно, чтобы Икшу почувствовал себя некомфортно, просто глядя на него, по-видимому, съжившегося назад — даже когда он стоял прямо — пальцами в водовороте активности, и его бледное лицо отвернулось.

Все его лицо кричало от страха и отвращения, и Икшу почувствовал огромный прилив вины и страха. Мысль о том, что он может быть ответственен за это каким-либо образом, была ужасна, но еще хуже было представление о том, что что-то или кто-то еще вызвал такой внутренний ужас, потому что это было именно то, что это было.

«Мой Лорд... Феато. Пожалуйста. Если вам больно, пожалуйста, я умоляю вас сказать мне. Когда-то мы были друзьями, и что бы это ни было, все, что есть, этого не изменит. Пожалуйста, Феато, дон Не страдай молча. В этом нет необходимости. Он жаждал протянуть руку, немного сдерживал себя. Это было так хрупко, так непрочное, этот последний клочок призрачной надежды, что он мог порваться, как струна.

Икшу увидел, как мальчик вздрогнул. Его руки тряслись в сжатых кулаках, а челюсти были сжаты — то ли от горя, то ли от гнева, мужчина не был уверен.

— Милорд, что вас так пугает?

Вопроса было достаточно, чтобы перейти черту, и Феато зашипел, скривившись в усмешке, когда он повернул голову, чтобы свирепо взглянуть на своего камергера. Его руки были сжаты в кулаки по бокам.

"Я не боюсь!"

Но он боялся, Икшу видел это в его глазах. Он горел и пузырился в воздухе вокруг него. Он гремел своей правдой в каждом дрожании его побелевших костяшек пальцев. Он был ужасно напуган. И Икшу не мог этого понять. Когда и как его господин был доведен до страха?

Он сразу же подумал о Дираре. Его господин чувствовал себя ужасно виноватым из-за того, что случилось с мальчиком, но в целом чувство вины не трансформировалось в страх. Это не совпало, но все это странное поведение началось примерно в одно и то же время. Он задумчиво постукал ногой по мраморному полу.

Это было? Это было все, что он знал, — единственная корреляция, которую он мог провести. И все же... он чувствовал, что упускает что-то, какую-то важную деталь, и изучал своего юного лорда, пытаясь понять, что это может быть?

"Не я!" Голос Феато источал яд, а его серые глаза сверкали грозой, мерцая далекими молниями. «Не знаю, что ты думаешь, Икшу, но я не кровавая библиотека, какая-то тайна желанная и скрытая. Я устала от такого обращения! и я не хочу этого! Так что, пожалуйста, сделайте нам обоим одолжение и оставьте все как есть! — прошипел он.

«Мой лорд, все, чего я хочу, это чтобы вы были счастливы и в безопасности. Но, поскольку вы ясно выразили это, я, конечно же, воздержусь от дальнейших приставаний к вам». Он поклонился. — Если хочешь, я сейчас попрощаюсь и посмотрю, как это убрано.

"Да." Феато кивнул. — Это, я думаю, будет лучше всего. Он повернулся и снова сел перед своим столом. Перо в его руках заскребло по бумаге, и Икшу с горечью посмотрел на спину ребенка.

Спрятав свое разочарование и расслабив лицо в спокойной гладкой равнине, он оставил своего господина дуться перед своими книгами и бумагами. Пусть сидит и гниет там, если хочет.

Камергер сунул наволочку в объятия проходившего мимо слуги.

«Посмотрите, чтобы это дали прачкам».

Мальчик кивнул, убегая.

Разъяренный Икшу проскользнул в холл. Его тапочки мягко шлепали по полу, пока он не думал о том, куда он идет, кроме как покинуть компанию других. Что он сделал сейчас? Было ли это чем-то большим, чем подростковый бунт? Инстинкт кричал да, но что ему теперь делать. Немедленным ответом было бы принести это его отцу.

Он мог сказать Темному Лорду, что мальчик нездоров: больна голова и больны эмоционально, и, несомненно, Лорд Мордора вызовет мальчика, чтобы узнать правду. После этого это было бы не в его руках. Если и было что-то, что Темный Лорд был бы в ярости, услышав это, так это то, что его честный сын нашел сожителя в обмане.

Оставалось лишь обратиться к Лорду Мордора. Это само по себе было опасным занятием. О, он бы послушался. Он выслушает, потому что захочет узнать все, что задумал его сын, но Икшу понятия не имел, во что или кого ввязался Феато, и ему не нравилась мысль вызвать открытые подозрения у Лорда Мордора.

Тогда рано или поздно его хозяин узнает, кто в первую очередь предупредил Темного Лорда, и Феато может счесть такое сплетни предательством. Лорд, стремившийся защитить его, может больше не желать его услуг, и даже если Феато захочет, чтобы он продолжал работать, мальчик еще долго будет в ярости. Нет. Он не мог принести это Темному Лорду. По крайней мере, он не мог этого сделать лично.

Он бродил по затемненным залам, размышляя над дилеммой. Насколько это было серьезно? Стоило ли это вмешательства Темного Лорда? Что, если это не так, и он просто видел вещи там, где не было никаких проблем. Что, если это так, и слишком поздно дело дошло до отца мальчика?

В любом случае, лорду Мордора нужно было сообщить об этом.

Но как это сделать стало вопросом. Это была опасная игра. Лорд Мордора без колебаний наказывал своих посланников, и страх перед хозяином своего хозяина поднялся, чтобы подавить то, что требовали верность и долг. Что с его сыном что-то не так, что только то, что Феато был доволен, указывает пальцем на воспитание Темного Лорда, не вызовет снисхождения или прощения, и это пугало его тем, что может случиться с ним самим или что может случиться с Феато.

Сама мысль о том, что Феато стал лжецом, мало заботила Лорда Мордора, и когда он узнал, что сделал его сын, он пришел в ярость, независимо от того, какое оправдание использовал мальчик.

Слухи быстро распространились по обширным просторам Темной Башни, и до многих дошли слухи, что в башне находится один из Высших Лордов. Это был обычный; Черный вестник. Не все призраки были одинаковыми, и хотя Посланник не был милым, он был далеко не худшим среди них. И он был одним из немногих, с кем его хозяин встречался и, казалось, ладил, что здесь могло быть только на пользу.

Он сделал паузу, размышляя, не будет ли мудрее сообщить кому-нибудь, куда он направляется; любого из меньших слуг, чтобы его можно было найти, если он не вернется. Раздраженно стиснул зубы. Весь смысл поездки на Фуинур в первую очередь заключался в необходимости осмотрительности, и он не хотел, чтобы Феато обнаружил его местонахождение. Но встреча с Верховным Лордом без спасательного круга, без уверенности в спасении или убежище была ужасающей перспективой. Но если бы он этого не сделал, и вопросы, связанные с Феато, не были бы решены, что тогда могло бы случиться?

Что-то действительно было не так, и чем больше об этом думал Икшу, тем больше он убеждался, что что-то ужасно не так. Но хотя у мальчика не было желания говорить с ним, он все же говорил с Фуинуром: беспристрастным другом.

Все, что оставалось, это заставить призрака помочь... не будучи убитым, или того хуже.

Отчаяние может быть его спасением. Но мало что он мог предложить в плане оплаты. Назгулов нельзя было купить за золото или драгоценные камни, и было бы преувеличением предположить, что их вообще можно было купить, но больше всего они жаждали того, что больше всего ненавидели.

Жизнь.

Жизнь могла купить внимание и время Высшего Лорда. Этого может быть достаточно, чтобы заслужить маленькую услугу. Но даже тогда не было никакой гарантии, что Фуинур захочет помочь. Он мало знал о Высших Лордах и о том, какие требования их хозяин предъявлял к их времени. И то небольшое время, которое лорд Фуинур мог предоставить ему для себя, нельзя было купить дешево.

Он беспокойно постукал ногой, думая о своем юном господине, таком застывшем и торжественном, таком странном и сгорбленном. Он был нервным ребенком, даже застенчивым, и за эти годы у него было немало истерик. Все дети рано или поздно это делают, но Феато до сих пор без происшествий переходил в подростковый возраст. И вдруг все, казалось, развалилось.

Он знал, что мальчик чувствует ответственность за Дирара. Это было у него на лице каждый раз, когда упоминался несчастный паж. И в течение многих лет его юный лорд желал свободы, в которой Темный Лорд неоднократно отказывал. Может, Дирар и ужасно неуважительный лорд действительно послужили последней каплей? Это был вывод, который он сделал, даже если его снова поразила мысль, что он упустил что-то жизненно важное.

Хотя он знал, что может сказать, чтобы ослабить вину Феато, он также знал, что его господин был не в настроении это слышать. Наоборот, Феато прилагал все усилия, чтобы отгородиться от него и отгородиться, и ради его жизни Икшу не мог понять, почему.

Он не сделал ничего, чтобы заслужить такое обращение. И хотя он был зол, все, что он наблюдал, кричало о нуждающемся ребенке. Будет время для гнева, но его долг прежде всего

— благополучие своего господина, а для этого требуется сила, более могущественная, чем он, чтобы вмешаться. Что бы ни делал его лорд, куда бы он ни направлялся ночью, Темный Лорд должен был знать.

« Темный Лорд должен знать...».

Икшу покачал головой, выдохнув. Он мог бы задаться вопросом, будет ли Темный Лорд в ярости, что ему потребовалось так много времени, чтобы обратить его внимание на это страшное изменение в поведении его сына. С другой стороны, люди, умолявшие Высших Лордов о милостях, редко возвращались, так что он, по крайней мере, был избавлен от гнева Темного Лорда. Это наверняка что-то значило? Он издал слабый вздох смеха, который застыл на губах. Это ничего не значило, и он знал это. Икшу не был настолько смелым или глупым, чтобы думать иначе, но его господину нужна была помощь. Верно. И мало что еще он мог сделать.

Ниже приведено то, что могло бы стать концом главы, но это казалось... неестественным и неестественным. Я думаю, что многие из моих произведений после сцены пира ощущались именно так, но это было особенно особенным, особенно это должно было стать поворотным моментом откровения, когда читатели, наконец, увидят проблему во всей полноте. Я вырезал его, потому что он мне не понравился, а его особая начальная часть помещена здесь.

Оригинальное рукописное произведение, которое последует, лучше и попадет в кучу мусора, потому что, когда я писал его, я сделал ошибку, перенес внимание с персонажа, находящегося в отчаянном положении (что никогда не бывает хорошо), чтобы создать мир. здание. Так что да! Мордор преобразился! Ву! Но это было неудачное время.

Да... эта глава не хотела собираться. Это действительно не так. Я не доволен этим. Я много работаю над второй половиной, чтобы сделать ее более связной и значимой. Я действительно чувствую, что что-то сделал, и начало было хорошим, но когда дело дошло до намеков и давления, я потерял мяч. Итак, глава представляет собой большую тарелку спагетти, и я опубликовал ее, потому что на уровне около 20kT она выходит из-под контроля. И наращивание до сих пор не стоило окупаться. И глава не стоит ожидания. Так что я довольно сварливый. Но 4-ю главу можно исправить. Может быть, если я не облажаюсь.

О, Боже....

Начало конца:

Бумаги летели, шурша, и падали на землю в полном беспорядке. Феато стоял над ними, очерченный фосфоресцирующим красным, и кипел; в ярости на Икшу, в ярости на себя. Почему мужчина не мог уйти достаточно хорошо в одиночестве? Почему нельзя было остаться и продолжить расследование, пока он, наконец, не был вынужден раскрыть свои секреты?

Он провел пальцами по скальпу, сухожилия напряглись, когда он испортил косу, и выдернул расплавленные пряди из их корней.

Содрогаясь, он склонил голову, сожалея о том, как закончился их последний разговор, остро осознавая, что во всем виноват сам. Он не мог сказать мужчине, что произошло. Что он сделал. Икшу знал о Дираре все, но это была только часть, а все остальное было неизмеримо хуже. Как, как он мог вынести этого своего камергера? Этот человек был убежден, что служил хорошему господину, но признаться, по его собственному признанию, не был, а его друг ошибся, это было невыносимо. Он не мог сказать ему. Он не мог.

Он долго ходил взад-вперед, хватаясь за грудь, пока личинки пожирали его. Он дергался и дергался, когда их бесчисленные челюсти пожирали его. Под его грудью вспыхнуло пламя, и, наконец, он сбросил с плеч мантию, наслаждаясь прикосновением прохладного воздуха, коснувшегося его покрасневшейся кожи. Свою тунику он стянул через голову и закрыл глаза, когда прохладный воздух коснулся его груди.

Это принесло временное облегчение и не остановило личинку в их опустошении. Он дернулся, когда мышцы груди напряглись, а живот затрепетал. Неглубокие вздохи сушили его губы, когда он втягивал воздух. Редко казалось, что их достаточно.

Решив, что в его комнате недостаточно прохладно, чтобы потушить огонь, он снова оделся и осторожно открыл дверь. В нерешительности он выглянул наружу, не желая и не в силах снова встретиться с Икшу лицом к лицу, но мальчик не видел и не слышал своего камергера, и он метнулся через скудные несколько футов между своей спальней и остальной частью его комнаты.

Он бросился в холл и вонзил костяшки пальцев в грудь, желая, чтобы напряженные мышцы расслабились, а личинки перестали пировать. Он гнил.

Он уже был гнилой.

Не особо задумываясь о том, куда он идет, пока может быть холодно, он двинулся. На нижних этажах были ещё не зарешеченные укромные балконы, и он проскользнул в лифт. Богато украшенный фонарь освещал пространство, а стены были покрыты бархатом, по которому он рассеянно водил пальцами, когда приспособление качнулось вниз.

Часть проблемы здесь в том, что я не хотел, чтобы эта глава была написана с точки зрения Феато. По двум причинам. Во-первых, это лень: то, что происходит с ним эмоционально, умственно и физически, действительно трудно удержать в порядке. Попытка сохранить ровный баланс между этими вещами, оставляя некоторые детали расплывчатыми, давая ему надлежащий самоанализ, пытаясь изобразить естественно честного персонажа нечестным и заставить /это/ чувствовать себя естественным, оказалось слишком сложной задачей.

Вторая причина — загадочность. Если вы не в его голове, вы не знаете, что он думает. Вы не знаете, через что он проходит, что с ним сделали или что он мог сделать в свою очередь.

Так что писать с его точки зрения было совсем не весело. Мне это не понравилось.

И когда я писал это, мне пришло в голову, что многие проблемы были связаны с самим Феато и моей неспособностью написать ему. И когда я начал думать о том, где и когда я ошибся: после сцены с орком-целителем, я понял, что мог бы по существу вырезать многие из следующих сцен, так как они не слишком влияли на историю, или они внесли свой вклад. неправильные вещи в неподходящее время. Таким образом, куча мусора стала намного больше....

Итак, здесь следует большая часть третьей главы:

В которой Феато тайком уходит на ночной бой:

В темноте лежал Феато, измученный, но не в силах заснуть. В груди болело и жгло, а что-то внутри натянулось и готово лопнуть, как струна. Не имело значения, в каком направлении он лежал, перекатылся ли на бок или свернулся на животе. В тревоге и отчаянии он потерял грудь, желая, чтобы личинки замерли, но безрезультатно. Ничего не работало, и он застонал в пустое пространство своей комнаты.

Он вернулся в свою комнату с безупречным внешним видом. Драгоценное время он провел в одном из многочисленных лифтов башни, прихорашиваясь, пока не смог встретиться со своими слугами, не поднимая тревоги.

Икшу был особенно бдителен, и Феато приходилось быть все более бдительным и скрытным в отношениях со своим камергером, чтобы тот не поумнел. Он должен был стать умнее, чтобы хранить свои секреты в безопасности, и Феато предположил, что в этом нет ничего плохого. За исключением того, что это было. Его отец ненавидел обман и тех, кто осмеливался использовать его против него. И по счастливой случайности он избежал обнаружения отца этим вечером, но все остальные о нем лгали. Они плели свои сети, расставляли ловушки, все время устраивали заговоры, и это было правильно, и в то же время неправильно для него.

Они безнаказанно лгали — хотя никогда не Владыке Мордора — и сошли с рук, но Феато быстро подвергся насмешкам за то, что просто попытался это сделать. Как это было справедливо? О чем думал его отец? Врал неправильно или нет? Или было неправильно лгать Темному Лорду? А может быть, ему было только неправильно лгать?

Это было упражнение, говорил он себе каждый раз, когда одаривал своего верного слугу фальшивой улыбкой или нечестным словом. Это было упражнение. Это было упражнение, и то, что он делал, было хорошо, потому что отцу нужны были не слабые, неэффективные сыновья, а сильные. Хорошие. И однажды он станет и хорошим сыном, и хорошим лордом.

Чувство вины вспыхнуло в его груди, когда он вспомнил обед и, казалось бы, бесчисленные дни, которые он провел, скрывая секреты от Икшу.

Это было упражнение, и он вырастет прекрасным и благородным лордом, которому никогда не придется бояться вреда, который другие могут причинить его слугам, которого никогда больше не запугают горькие истины, сказанные устами врага, которому никогда не придется зависеть исключительно от его отца для защиты. Он будет стоять гордо и высокомерно, потому что в

Мордоре нет ни нужды, ни места для таких слабых лордов, как он сам.

«Итак, правда раскрыта, в конце концов, ты — маленький цветок. Собственный медный цветок Лутбурца, задыхающийся среди камней. А я думал, они только пошутили, когда сказали, что цветы у тебя в крови».

Кемич так небрежно пожал плечами, его легкая улыбка была такой явно прожорливой, как он упивался своей насмешкой. Потому что он был в безопасности. Он возвращался в Рун, в свой дворец удовольствий в Дорвинионе, и никто не узнает, что он сказал или сделал, кроме Феато, и по глупости мальчик позволил себя запугать. От шока и недоверия он стал немым и неподвижным.

«Возможно, это то, что происходит, когда чья-то мать Тарк». И что-то горело в глазах человека, расчетливое и злобное, а что-то горячее, белое и горящее вспыхнуло в груди Феато. Одно дело оскорблять его, и совсем другое — оскорблять его мать.

«Моя мать», — ядовито прорычал Феато, и даже сейчас он с ненавистью смотрел на красно-золотой балдахин своей кровати, в то время как его пальцы сжимали и душили простыни вокруг него.

— Да, — безобидно улыбнулся Кемич. «Твоя мать была самой слабой из нуменорцев, когда-либо проклинавших эту землю своим присутствием, и все же она была сильнее тебя. отца, который забрал ее в переулочек, но ради сына лорда Майрона, — так жестоко усмехнулся Кемич. «Нет. И никогда не будет»

Его темные глаза смеялись, как кинжалы, а его слова источали яд. Дерзко и нагло подошел к нему тогда человек, хищно и оскорбительно, в глазах горела злая злоба, а за акульими зубами толпились потрошасящие слова.

«Горькая ирония в том, что в результате такого грозного союза появился такой изящный цветок».

Феато сморщил лицо и уткнулся горящими щеками в подушку, а личинки извивались, а в его груди горел огонь.

Это был волк, а не цветок, и он раздраженно тер лицо. Особенно его рот, когда пальцы Кемика скользнули призрачным эхом по его коже. Но даже если бы он сейчас был цветком, то ненадолго. Он тренировался, он лгал, и он поднимется, чтобы стать выше завистливых лордов, таких как Кемич, которые ненавидели его не потому, что у него было то, чего не было у них, а потому, что они думали, что он этого не заслужил. И он бы это сделал. Он заслужит свое место, потому что Мордору не нужны слабые князья. Его слугам не нужны были лорды, которые не могли защитить их. И Темному Лорду не нужен неэффективный сын, который не может позаботиться о себе.

« Это то, что ты сделаешь, Феато? Беги к лорду Майрону Великому, жалкий в своей трусости, докажи раз и навсегда, что ты всего лишь хорошенький цветочек?»

Он зажмурил глаза, уткнувшись лицом в подушку. Он не был цветком. Он не был слабым. И если он был сейчас, то скоро его не будет. Он собирался разобраться с Кемичем, как и должен был сделать с самого начала. Он собирался освободить Дирара от службы, так как было очевидно, что он не сможет защитить своих слуг. Он собирался стать сильным и смелым, чтобы защищать своего отца и служить Мордору в меру своих возможностей.

Он просто тренировался. Это было всего лишь упражнение врать Икшу — врать им всем. То, что он делал, было хорошо, но он не мог избавиться от чувства вины или глубокого чувства, что то, что он делал, было ужасно неправильно.

Феато проснулся, тяжело дыша, личинки в его груди горели, вгрызаясь все глубже. В мерцании фейского могущества ожила свеча, и, содрогаясь, задыхаясь, он был на грани слез, он поднял руки. Бледные и безупречные, они бледно сияли в тусклом оранжевом свете. Кровь, горячая кровь застыла в складках его рук, и ужас вырвался из груди дрожащим рыданием.

Бездумно он встал, с урчанием в желудке и бешено колотящимся сердцем. Он стоял, проводя пальцами по волосам, нуждаясь в том, чтобы уйти, пошевелиться, пойти куда-нибудь, куда угодно, чего здесь не было.

Он надел шерстяной халат, спрятав тунику и штаны, в которых спал.

Вызвав щупальце могущества, он сплел себе облик одного из своих слуг. Спрятавшись за лицом пажа, Феато бежал из своих покоев, чувствуя себя от очередного дурного сна.

Он упал в один из многих лифтов, которыми пользовались слуги, и с лязгом запер за собой металлические ворота. Привалившись спиной к зарешеченным стенам, он закрыл глаза, в безопасности в своей маленькой клетке, и там он повис, собираясь с мыслями.

Но он еще не был достаточно далеко. Он еще не был достаточно силен. И его покои были не так далеко. Он подозревал, что Икшу знает, что он ускользает, и если он будет медлить, его рано или поздно поймут, и дрожащими пальцами он потянул рычаг назад, и цепи содрогнулись в дребезжащем прыжке, прежде чем он начал свой торжественный спуск.

Много лиц и много обличей, которые он примет, чтобы убедиться, что он добрался до места назначения.

Было одно место, где его мечты могли быть забыты. Одно место, где то, чем он был и кем он был, не имело значения, где он мог избежать жестоких улыбок Кемика и его вины как неудачника лорда. Это было место, где листья можно было заменить мехом, а цветы — клыками. Это было единственное место, где он все еще мог быть волком и претендовать на силу, которую мог бы назвать своей.

Мысленно готовясь к еще одной тайной ночи тайных потасовок, он направился к тренировочной яме. На протяжении своего путешествия туда он принимал множество обличей и носил много лиц, и никто не был мудрее. Эти поздние ночные вылазки были неуместны, и их открытие заслужило бы ему суровое слово от Владыки Мордора, если ничего другого. Но это было все, что он мог придумать. Это был единственный способ вырасти, стать лучше, чем он был, и до тех пор, пока он не был готов приносить свои ночные свидания своему господину и отцу.

К тому времени он мог бы гордо стоять и утверждать, что вырос и стал лучше, и гнев его отца, который могла вызвать его скрытность, убаюкается удовольствием, потому что Феато пытался и преуспел в том, чтобы стать лордом, которым он должен был быть.

До тех пор это было его желанное сокровище, слишком дорогое, чтобы его потерять. Это был единственный способ, который он мог придумать, чтобы стать тем, кем он должен был быть. Его маленький секрет. Его маленькая ложь.

Тема лифтов:

(Потому что всегда важно уделить время тому, чтобы проигнорировать проблемы персонажа и сосредоточиться на декорациях с максимально возможным количеством беспричинных деталей.)

На высоте самой крайней башни лестница не была эффективным средством передвижения, и поэтому Темный Лорд мудро разработал средство, с помощью которого можно было легко перемещаться по высотам и глубинам цитадели.

Икшу не любил лифты. Запертый в маленькой стальной клетке, подвешенный на цепях и прочных веревках к системе блоков, он чувствовал себя уязвимым и страдал клаустрофобией. Насколько ему было известно, ни один из них никогда не падал, но пару раз он слышал о том, что они застревают, а люди застревают между этажами.

Учитывая, что, вероятно, их были сотни, разбросанные по разным башням и используемые сотнями людей каждый день, было чудом, что не произошло гораздо больше несчастных случаев с более серьезными последствиями. Вероятно, это было связано с какой-то магией, которая была пропитана ими и орками и рабами, которые с трудом следили за их поддержанием, но все же сердце Икшу трепетало, а на лбу выступил пот.

Этот конкретный лифт занимал пять этажей, предназначенный для личных слуг высших лордов Мордора, и никто другой не мог использовать его, кроме Феато и самого Темного Лорда, но для них был еще один лифт; роскошная и приятная по своему дизайну, рассчитанная на комфорт и быстроту передвижения, она занимала высоту башни. На каждом этаже перед дверями стояла стража, чтобы убедиться, что никто, кроме самых могущественных лордов Мордора, не сможет им воспользоваться.

Тот, в котором стоял Икшу, был элементарным, ничего, кроме самого необходимого минимума:

фонарь, чтобы видеть, одна сплошная стена, чтобы сжаться, и три стены с решеткой, чтобы напомнить ему о том, какой пленник он был заперт в передвижной клетке, болтающейся кто знает, как высоко на нескольких жалких цепях, которые могли порваться в любую секунду. Какое это было благословение, что Темный Лорд был достаточно милостив, чтобы предоставить своим слугам такое напоминание! Как будто они способны забыть, что могут умереть в любую секунду.

Когда лифт рывком остановился на самом нижнем из пяти этажей, он выскочил наружу, убежденный, что это эффективное средство передвижения на самом деле было не чем иным, как хитрым средством, с помощью которого владыка Мордора мог бесконечно мучить поколения рабов и слуг.

<http://tl.rulate.ru/book/94610/3178330>